

**ОТЗЫВ официального оппонента**  
**на диссертацию на соискание ученой степени**  
**кандидата философских наук Черничкиной Анны Андреевны**  
**на тему: «Учение о культуре в философии**  
**ранних немецких романтиков»**  
**по специальности 09.00.03 – «История философии»**

Отдельные исследования и статьи, посвященные философии ранних немецких романтиков, выходят на русском языке достаточно регулярно, однако философское наследие этих авторов столь обширно, что по всеобщему признанию сегодняшнее состояние источниковедения и исследований далеко от того, чтобы считать эту тему досконально изученной. Более того, если речь идет о философии культуры, романтическая традиция, действительно, содержит исключительно богатый материал для изучения, анализа и реконструкции. Учитывая это обстоятельство, следовало бы приветствовать появление диссертации А.А. Черничкиной, которая пытается работать со столь непростой смысловой областью. Определенную ценность данному исследованию придает работа с малоизвестными в отечественной научной литературе и еще не переведенными на русский язык источниками, а также попытка комплексно рассмотреть теоретические и художественные сочинения представителей раннего романтизма.

Автор, обосновывая актуальность своего исследования, пишет, что «общее исследование учения о культуре ранних романтиков по-прежнему остается актуальной задачей», несмотря на то что «культурфилософские взгляды отдельных представителей романтического движения уже подвергались изучению» (с. 7). Таким образом, согласно А.А. Черничкиной, актуальность ее исследования заключается в том, что в нем будет представлена общая картина учения о культуре, а не просто фрагментарное исследование отдельных представителей этого направления. К сожалению, читатель текста диссертации получает ровно обратное – мозаичные зарисовки

об отдельных авторах. Сведение их воедино, выстраивание сравнений, анализ параллелей и расхождений – эта работа отдается на откуп читателю, которому, ко всему прочему, следует привлекать собственные познания в исследуемой области, поскольку представленных сведений зачастую оказывается недостаточно.

Положения, выносимые на защиту, можно считать относительно обоснованными в тексте диссертации, однако сами по себе они носят довольно обзорный и поверхностный характер. В качестве примера приведу третье положение: «Ярким примером универсальности, свойственной романтическим проектам, может послужить неоконченная работа Новалиса “Всеобщий черновик”, которая была издана лишь в XX веке, до сих пор практически неизвестная российскому читателю (не переведена на русский язык), но ее анализ открывает новую перспективу в понимании специфики романтической философии культуры» (с. 40). Данное положение носит дескриптивный и декларативный характер, едва ли можно считать, что содержание этого тезиса обладает научной новизной. Все три положения, выносимые на защиту, имеют общий характер и не проясняют содержание результатов исследования автора.

Обширное диссертационное исследование не лишено, на мой взгляд, целого ряда недостатком как содержательного, так и формального характера.

1. Первая группа замечаний связана с представлением философии Канта в целом и в той мере, в какой она определила контекст формирования философии ранних романтиков.

Во введении диссертационного исследования автор несколько раз апеллирует к «традиции Канта и Фихте» (с. 32), «кантовской и фихтевской этике» (с. 4). Эти обороты по всей видимости заимствованы из используемых вторичников, однако поскольку оба философа рассматриваются более подробно при реконструкции философского контекста раннего немецкого романтизма, необходимо обратить внимание, что подобные фразы не могут считаться релевантной историко-философской интерпретацией. Подобное

некритическое использование затуманивает и искажает соотношение этих систем, выражая интерпретацию более поздних мыслителей, а не сам контекст второй половины XVIII в. Здесь можно сослаться на известный пассаж из кантовского «Заявления по поводу наукоучения Фихте» (1799), в котором в адрес Фихте Кантом приводится итальянская поговорка «Боже, спаси нас только от наших друзей, с врагами же мы сами справимся!» (Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., 1994, с. 264).

На странице 43 при реконструкции кантовской позиции автор делает следующее заявление: «Возможность опытного познания и конститутивные способности познающего были решительно поставлены под сомнение, и на первое место встали проблемы исследования субъекта, а главным предметом для изучения стало самосознание». В такой формулировке тезис не имеет отношения к собственно кантовской философии и может считаться разве что выражением позиции некоторых философов младшего поколения, которые стремились усовершенствовать и достроить систему критической философии. Основным интересом Канта лежал в сфере моральной философии, а естественнонаучные вопросы затрагивались им не только в ранних докритических сочинениях, но и в позднем «Opus posthumum».

Не очень понятно, что имела в виду автор, утверждая на странице 44 следующее: «Тем не менее, в стремлении пересмотреть все предшествующие шаги философии, Кант и его последователи вернулись к истокам – к реинтерпретации платоновской теории идей в терминах трансцендентальной философии». Подробная и содержательная сноска под номером 323 на странице 138 только подтверждает сомнительность такой формулировки. Повышенный интерес к платоновскому наследию появился у следующего после Канта поколения мыслителей, скорее в XIX в. Сопоставление философии Канта и Платона – прерогатива неокантианства, в особенности марбургской школы. Что же касается знания наследия античного философа Кантом, оно было, судя по имеющимся исследованиям, довольно скромным, и

едва ли можно говорить о какой-то специальной и осознанной «реинтерпретации».

На страницах 57–58 автор не вполне корректно выстраивает взаимосвязь морали и педагогики, используя для обоснования своих гипотез гетерогенные цитаты из «Критики способности суждения» (1790) и из перевода опубликованных записей лекций по педагогике (1803). Это порождает не только методологические, но и содержательные неувязки. Согласно кантовскому представлению педагогика не ведет к подлинной моральности человека. Что же касается идеи самосовершенствования, то Кант в этом отношении не может рассматриваться как ключевая фигура в рамках немецкоязычного пространства, его размышления на эту тему являются лишь ответом на актуальную в середине XVIII в. дискуссию о природе и предназначении человека.

Наконец, при реконструкции кантовских взглядов, имеющих значение для формирования раннего романтизма, автор не вполне обоснованно ограничивается исключительно работой 1790 г. «Критика способности суждения». Представители ранних романтиков далеко не первыми в XVIII в. совершают переход от механицистского понимания природы к органицистскому. Поскольку это положение исключительно важно для исследуемых авторов, следовало уделить внимание более подробному изучению предпосылок этого перехода (здесь стоило бы обратиться к трудам Лейбница, философствующих врачей первой половины XVIII в. и кантовской полемике с представителями естественных наук).

2. Диссертационному исследованию пошло бы на пользу добавление пассажей, проливающих свет на историю некоторых ключевых понятий, подобно тому, как это сделано в сноске 207 на странице 81. Более подробное рассмотрение формирования и трансформации таких понятий как культура, романтизм, томление (*Sehnsucht*), организм сделали бы работу более основательной и ценной для специалистов, исследующих смежные области.

3. Автором диссертации декларируется, что третья глава, посвященная философскому наследию Новалиса, имеет особую ценность – поскольку в ней разрабатываются вопросы поиска универсального знания, в том числе на основе сочинения «Всеобщий черновик», мало изученном в отечественных исследованиях по истории философии и философии культуры. Однако при изложении биографических сведений о Новалисе (которые должны оказаться важны для понимания ряда особенностей его философских построений) диссертантом допущена печальная оплошность. На странице 97 читателю сообщается следующее: «В декабре 1797 года Фридрих поступает в горную академию во Фрайбурге – единственную в Европе, где в то время преподавали геологию и минералогию». К сожалению, данное утверждение вводит читателя в заблуждение, причем дважды. Во-первых, Фрайбург – один из старейших университетских городов, расположен на юго-западе Германии, в то время как Фрайберг – сравнительно небольшой город недалеко от Дрездена (где как раз собрались одно время братья Шлегели и Новалис). Название города встречается в тексте и далее, всего 6 раз, именно в таком написании. Во-вторых, Горная академия, действительно, – одно из старейших технических учебных заведений, однако будет преувеличением утверждать, что это единственное место в Европе, где преподавалась минералогия. Такое радикальное утверждение особенно досадно в связи с тем, что в диссертационном исследовании явно не раз использовалось издание кантовской «Критики способности суждения» 1994 г. со вступительной статьей А.В. Гулыги «Эстетика Канта» (странно, что эта статья не попала в библиографический список). На первых же страницах этой статьи дается перечисление лекционных курсов, прочитанных Кантом за время работы в Кёнигсбергском университете. Как отмечает Гулыга, курс по эстетике Кант не читал ни разу, а вот курс минералогии в списке присутствует.

4. Не вполне понятно размышление автора, представленное в заключении работы, которое касается пиетистской традиции: утверждается, что пиетистская традиция «не была полностью разрушена Кантом,

объявившим несостоятельность догматизма, ведь при этом в его философии очевидны примат морали и отнюдь не материалистическая рациональность» (с. 157). В изложении диссертанта связь кантовской философии и пиетистской традиции представлено очень размыто. Сам Кант вырос в пиетистской семье, воспитывался в пиетистской гимназии и, насколько мне известно, в своих философских работах никогда не критиковал пиетизм. Что такое «материалистическая рациональность» применительно к его наследию, мне, признаться, также осталось не вполне ясным.

5. Наконец, несколько критических замечаний формального толка.

Диссертационное исследование только выиграло, если бы в него был включен комментарий, касающийся отбора переводов первоисточников. К примеру, не вполне ясно, по каким причинам автор отдала предпочтение использованному изданию «Критики способности суждения», которое вышло в 1994 г. под редакцией А.В. Гулыги в издательстве «Искусство». На сегодняшний день имеется более точное и адекватное оригиналу билингвальное издание под редакцией Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга, содержащее исправленный перевод Т.Б. Длугач и снабженное обширным справочным аппаратом. Также не указано, по какой причине было отдано предпочтение работе с рядом текстов в переводе на английский язык (Венские лекции Шлегеля 1828 г., «Всеобщий черновик» Новалиса). К вопросу библиографии я вернусь еще раз чуть позже.

Требуется более внимательная и тщательная проработка примечаний, помещенных в сноски – небрежность в оформлении, отсутствие единообразного принципа цитирования и сокращений порой существенно затрудняет работу с текстом. Отсылки внутри текста диссертации к другим ее разделам также страдают неточностью. Ссылки на дополнительную литературу, исследующую второстепенные для данного исследования вопросы и персонажей, придали бы диссертации бóльшую систематичность и оказало бы помощь другим исследователям, заинтересованным в историко-философских штудиях.



Необходимо отметить, что свою работу А.А. Черничкина уже представляла на соискание ученой степени – впервые защита должна была состояться в марте 2017 года. На тот момент специальность была иная: 09.00.03 – философская антропология, философия культуры. Несмотря на изменение специальности, разделы об объекте и предмете исследования, целях и задачах, методологии, а также заключение – слово в слово воспроизводят первоначальную версию диссертационного исследования, которая была подвергнута справедливой и обоснованной критике.

А.А. Черничкина получила три отзыва на свою работу – два от оппонентов и один от ведущей организации в лице старшего научного сотрудника Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения, кандидата филологических наук ИМЛИ РАН, доцента Александры Дмитриевны Жук. В своем отзыве А.Д. Жук, будучи германистом и специализируясь на романтической традиции, высказала резкую критику и указала на то, что «в работе отсутствует новизна и концептуальность в изложении материала», «единственным достоинством диссертации является достаточно точное изложение основных положений работ Ф. Шиллера, Гердера, Жана Поля и Шеллинга» (с. 1), при том что «главы, посвященные Ф. Шлегелю, Новалису и Тику носят поверхностный, реферативный характер» (с.2).

Поскольку А.Д. Жук не входит в нынешний состав оппонентов, а текст диссертации в его основной части не претерпел сколь бы то ни было существенных изменений, считаю необходимым в рамках своего отзыва сослаться на отзыв коллеги и привести ряд положений из него. К такому решению меня склоняет, помимо прочего, следующее обстоятельство: А.Д. Жук в своем отзыве перечислила пятнадцать «серьезных фактических ошибок и ошибочных утверждений» (с. 4), снабдив перечень соответствующими комментариями, однако ни одно из пятнадцати указанных мест не было изменено, не появилось ни одной сноски, раскрывающей решения автора полностью пренебречь высказанными критическими

замечаниями. К числу таких ошибок относились, в частности, следующие: противопоставление понимания любви и индивидуальности у романтиков с одной стороны, и Канта и Фихте – с другой; оценка Ф. Шлегелем системы Фихте; соотношение романтической эстетики и идеализма Фихте и Канта; понимание романтиками теории общественного договора; оценка взаимоотношений романтиков и Гете; отношение Гельдердина к Гомбургскому кружку; обобщающие утверждения, касающиеся интереса к естественным наукам со стороны романтиков; оценка соотношения романтизма и западноевропейской философской традиции, идущей от Платона; положение о том, что романтики стремятся преодолеть субъективизм в искусстве; использование термина «предромантизм» и интерпретация соотношения этого явления с эпохой Просвещения; констатация глубокого кризиса христианства в XVIII в.; утверждения, касающиеся представлений Ф. Шлегеля о незавершенности и о соотношении философии и поэзии; описание Шеллинга как материалиста и вопрос его принадлежности к Йенскому кружку; высказывания относительно Шеллинга и платоновского диалога «Ион».

Кроме того, А.Д. Жук указала и на серьезные содержательные проблемы, присутствовавшие в исследовании, как то: в параграфе, озаглавленном «Философия истории» (в рамках главы, посвященной Ф. Шлегелю), о философии истории речь вообще не идет; на с.47-48, 52 и 115 фактически излагается концепция, характерная для учения неоплатоников, при этом о влиянии философии неоплатонизма на романтиков не говорится ни слова; в параграфе о магическом идеализме (в рамках главы, посвященной Новалису), не рассматривается главное положение магического идеализма («Я=НЕ-Я»), а также никак не обосновывается, почему речь идет именно об идеализме; не указывается также, к кому восходит идея Золотого века у Новалиса (с. 117); соискать упорно не замечает совершенно очевидного (даже исходя из текста диссертации) сходства высказываний Новалиса и Шеллинга (с. 130-131); не раскрываются представления Шеллинга о мифах и мифологии,



хотя именно такая постановка вопроса позволила бы связать Шеллинга и Новалиса; не говорится о влиянии философии Платона на Шеллинга, хотя на странице 145 приводится цитата, явно отсылающая именно к философии Платона; аналогия, возникающая на основе приводимой на странице 149 цитаты с Шлейермахером также игнорируется соискателем; не рассмотрено понимание Шеллингом понятия свободы, его связь с философией культуры; о соотношении между собой концепций всех трех указанных мыслителей также речь не идет.

Все высказанные А.Д. Жук замечания были проигнорированы автором диссертационного исследования.

Если говорить о критических замечаниях, высказанных в прошлый раз в моем отзыве – автор диссертации учел некоторые из них, однако весьма выборочно. К примеру, указание на крайне досадную опечатку – «Фрайбург» вместо «Фрайберга» – осталось незамеченным. Учитывая декларацию автора, что используемая ею синтетическая методология выражается в том числе в целостном рассмотрении как опубликованного и эпистолярного наследия, так и биографических перипетий исследуемых авторов, подобная небрежность выглядит недопустимой безответственностью.

Библиография была реструктурирована, а также существенно расширена – практически в 3 раза (со 110 до 300 источников ровно). При этом в основном тексте диссертации содержательных изменений не наблюдается (они присутствуют лишь во «Введении»). В библиографическом перечне попадаются задвоенные упоминания одних и тех же источников, при этом в нем присутствуют не все работы, ссылки на которые встречаются в тексте. В частности, русскоязычные переводы Канта полностью устранены из перечня (в прошлом отзыве высказывались критические замечания относительно выбора перевода и собрания сочинений). К первоисточникам с пометкой «немецкий» автор относит французские и английские переводы. По отдельности все эти детали, конечно, было бы приятнее рассматривать как погрешность, незначительную оплошность. Однако недочеты,

рассматриваемые все вместе, наводят на мысль о том, что перечень был лишь искусственно, механически расширен, а автор демонстрирует крайнюю небрежность или непонимание принципов историко-философской работы с текстовыми источниками.

Радикальной переработки содержания диссертации, настойчиво и аргументированно рекомендованной коллегами, в том числе с указанием требуемых исправлений, необходимого обращения к первоисточникам (даже с указанием конкретных фрагментов) и исследовательской литературе, так и не последовало, что ставит под сомнение возможность присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – История философии. Данная специальность требует более тщательной проработки материала, подробной работы не только с первоисточниками, но и с актуальной исследовательской литературой, а также ответственного отношения к научному исследованию.

Подводя итог, следует отметить, что диссертация А.А. Черничкиной является исследованием, написанным на актуальную тему, однако не обладает новизной и не обогащает историко-философскую науку значимыми результатами, методологический уровень и уровень работы с источниками не является удовлетворительным для присуждения степени кандидата философских наук. При этом автореферат соответствует содержанию диссертации, основные результаты отражены в ряде публикаций, представленные исследовательские идеи прошли апробацию в выступлениях на научных конференциях.

Диссертация не отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.03 – «История философии» (по философским наукам), оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, однако не соответствует критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о

присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Анна Андреевна Черничкина не заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – «История философии».

Официальный оппонент:

кандидат философских наук,

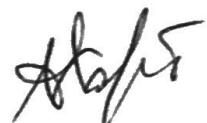
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ на кафедре Истории зарубежной философии

философского факультета

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

(РГГУ)

ХАРИТОНОВА Алёна Михайловна

  
19.10.2018

Контактные данные:

тел.: +7(495) 250-65-10, e-mail: kha.alyona@gmail.com

Специальность, по которой официальным оппонентом  
защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д.6, корп.7,

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

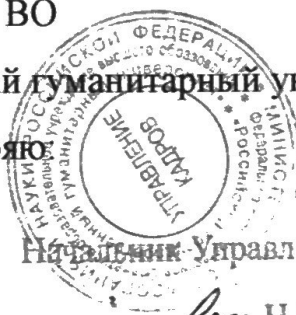
(РГГУ), кафедра истории зарубежной философии философского факультета

Тел.: +7 (495) 250-65-10; e-mail: izf@ff-rggu.ru


Подпись сотрудника ФГБОУ ВО

«Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

А.М. Харитоновой удостоверяю



Начальник Управления кадров

  
Н.Н. Назарова  
19.10.2018